

«Я иду по Москве...»

Московские адреса Велимира Хлебникова

Москва, ты кто?

Чаруешь или зачарована?

Куешь свободу

Иль закована?

Чело какою думой морщится?

28 июня 2022 года исполнилось 100 лет со дня смерти Велимира Хлебникова. Один из крупнейших поэтов XX века – «вечный узник созвучия», исследователь законов времени, «одинокый лицедей», врач, поющий «песни-лекарства».

Родившийся в Калмыкии («в степи – высохшем дне исчезающего Каспийского моря»), живший в Астрахани, Симбирске, Казани, Санкт-Петербурге, Хлебников вел кочевой образ жизни. Смерть настигла его в деревне Санталово Новгородской губернии в 37 лет, как сам поэт и предсказал: **«Люди моей задачи часто умирают тридцати семи лет»**.

П. Митурич. Портрет Велимира Хлебникова

«Я умер и засмеялся.

Просто большое стало малым, малое большим.

Просто во всех членах уравнения бытия знак “да” заменился знаком “нет”.

Таинственная нить уводила меня в мир бытия, и я узнавал вселенную внутри моего кровавого шарика.

Я узнавал главное ядро своей мысли как величественное небо, в котором я нахожусь.

Запах времени соединял меня с той работой, которой я <не верил> перед тем как потонул, увлеченный ее ничтожеством.

Теперь она висела, пересеченная тучей, как громадная полоса неба, заключающая <текущие> туманы и воздух и звездные кучи.

Одна звездная куча светила, как открытый глаз атома.

И я понял, что все остается по-старому, но только я смотрю на мир против течения.

Я вишу, как нетопырь своего собственного “я”.

Я полетел к родным.

Я бросал в них лоскуты бумаги, звенел по струнам.

Заметив колокольчики, привязанные к ниткам, я дергал за нитку.

Я настойчиво кричал “ау” из-под блюдечка, но никто мне не отвечал; тогда закрыл глаза крыльями и умер второй раз, прорыдав: как скорбен этот мир!»

Путешествия были экзистенциальной потребностью поэта. По его собственному признанию, он постоянно испытывал «голод пространства».

В разное время Хлебников посетил **Киев, Харьков, Таганрог, Нижний Новгород, Баку, Армавир, Железноводск, Кисловодск** и другие места земного шара.

Неоднократно бывал Хлебников и в **Москве**. Среди исхоженных им улиц Москвы, упоминаемых в его письмах и в мемуарах о поэте, можно назвать Домниковский переулок, Арбат, Кузнецкий мост, Мясницкую, Трубную, Садовую, Тверскую и Даев переулок, куда он зашел вместе с П. Митуричем перед отъездом из Москвы в свое последнее путешествие.

Вероятно, впервые Хлебников приехал в Москву в 1904 году. Об этой поездке поэт довольно подробно написал в письме родителям, упоминая достопримечательности города, оставившие у него наиболее сильные впечатления: «По железной дороге ехал сравнительно благополучно, но за двое суток спал не более двух или трех часов, за все время съел несколько пирожков и выпил только два стакана чая, так что когда приехал в Москву, очень устал и у меня сильно болели ноги, потому что я большую часть времени спал на ногах. В гостинице я не останавливался, а прямо оставил вещи у швейцара и отыскал себе комнату за 6 рублей и, привезши вещи, в тот же день объехал почти всю Москву, осмотрел Третьяковскую галерею, Исторический музей и был в Тургеневской читальне. Так как я почти двое суток был на ногах, а в Москву приехал в 6 часов утра и до 8 часов вечера ходил по улицам, то я очень устал и несколько раз должен был останавливаться, чтобы дать отдохнуть ногам. Но сегодня все прошло, я совсем отдохнул. А вчера у меня был такой (может быть, истощенный) вид, что на меня оглядывались. Сегодня я опять осматривал и видел Румянцевский музей и Исторический музей. Сегодня же я сделал опыт примерного существования в Москве: оказывается, что вегетарианцу на десять копеек в день существовать безусловно можно.

Вот подробные донесения о моих действиях. В Третьяковской галерее мне больше всего понравились картины Верещагина, некоторые же вещи меня разочаровали. В Румянцевском музее очень хороша статуя Кановы “Победа” и бюсты Пушкина, Гоголя».

Дом Пашкова

«Пишу на третий день пребывания в Москве. С Москвой я теперь так освоился, что я себя не представляю иначе как в Москве. Вчера я перепутал адрес: Мещанская часть, Домниковский переулок, дом Глазуновой. Таким образом переулок не Уланский, а Домниковский.

Сегодня я опять ходил и второй раз осмотрел московский исторический музей и дом Игумнова. Дом Игумнова построен в стиле боярского терема и очень художественен: с пузатыми колонками, изразцовыми плитками, чешуйчатой крышей».

Дом купца Н.В. Игумнова – знаменитый памятник конца XIX века на Большой Якиманке.

Дом купца Н.В. Игумнова

Из дореволюционных поездок Хлебникова в Москву можно вспомнить также пребывание поэта здесь в 1908 году: «Теперь я в Москве. Сегодня осматривал Кремль.

Завтра Третьяковская галерея и многое другое. Нам дали бесплатный кров, постель (в 3 студенческом общежитии) и вообще встречают с обычным московским радушием. Я удивился, найдя в общем московском облике какое-то благородство и достоинство. Москва – первый город, который победил и завоевал меня. Она изменилась к лучшему с тех пор, когда я был в ней».

Москва. № 71.
Вид на Кремль. Открытка.

1896–1904 гг.

Дом-музей Марины Цветаевой

Впечатления от поездки, очевидно, нашли отражение в стихах 1908–1909 годов.

Москва! Москва!

Мозг влаг

Племен.

Каких племен гудки

Ты не переваяла

В молчание?

В тебе

Древних говорю раки

Таяло

Звучание.

И если ищешь ты святыню,

Найдешь в Кремле ю.

Я взором в башнетыне

Млею.

В тебе, любимый город,

Старушки что-то есть.

Уселась на свой короб

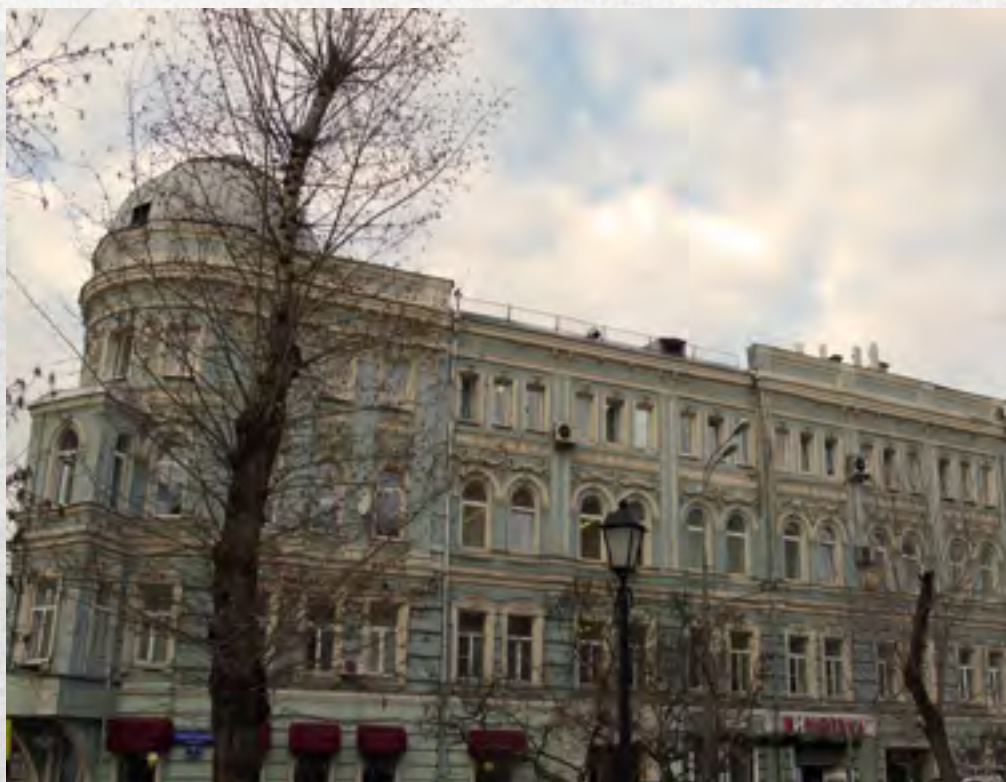
И думает поесть.

Косынкой замахнулась –
косынка не простая:

От и до края летит птиц
черных стая.

Среди московских адресов Хлебникова выделяется знаменитая **Романовка**, заслуживающая «отдельных строк» – «глаголем протянувшийся старый корпус, грязно-зеленого цвета...»

В XX веке в доме 7/2 по Тверскому бульвару сдавались дешевые меблированные комнаты, снимаемые, в основном, студентами, в том числе – Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В сезон 1912–13 года там жил **Давид Бурлюк**. «Осенью 1912 года мы поселились в Романовке. Ход в Романовку с Малой Бронной. Комнаты наши – на четвертом этаже, Маруся [М.Н. Бурлюк – жена Д.Д. Бурлюка] живет в 104 номере. Я поселился в том же коридоре. Все собрания молодых поэтов и художников происходили в номере Маруси, так как эта комната была более обширной и нарядной. Здесь обильно сервировались “чай”, варенья и бландово-чичкинские сыры и колбасы. Владимир Владимирович [Маяковский] приходил каждый вечер после Училища живописи, ваяния и зодчества».

Тверской б-р, 7/2 (Романовка)

По разным свидетельствам, и Хлебников неоднократно приходил сюда в гости к Бурлюку:

«Хлебников зиму 1912 года, перебравшись из Петербурга, проживал в Москве и ежевечернее навещал нас в Романовке; обычно занимал место в кресле, около пианино; музыка ему не мешала; ясновидец творил, шевеля губами, нашептывал свои стихи» (Д. Бурлюк); «На Бронной у Бурлюков я встретил неслышного человека, который говорил и читал стихи тише, чем это нужно, чтоб их нельзя было расслышать. Тишина не прерывалась, она даже росла. Звук не было, только шевелились губы. Стихи были непонятные, но полные исканий и задора, хотя немного нарочитые. Это был Виктор, он же Велимир, Хлебников» (В. Шершеневич).

Согласно воспоминаниям Бурлюка, именно в «Романовке» был написан **манифест «Пощечина общественному вкусу»**. «В этом манифесте Вите Хлебникову принадлежат несколько строк. Манифест был написан мной, а потом В.В. Маяковский, А.Е. Кручёных и В.В. Хлебников полировали его совместно...»

Давид Бурлюк

О создании манифеста более подробно вспоминал **Алексей Кручёных**: «Москва, декабрь 1912 г. Собрались, кажется, у Бурлюка на квартире, писали долго, спорили из-за каждой фразы, слова, буквы». «Помню, при создании “Пощечины общественному вкусу” Маяковский упорно сопротивлялся попыткам Велимира отяготить манифест сложными и вычурными образами, вроде: “мы будем тащить Пушкина за обледенелые усы”. Маяковский боролся за краткость и ударность». «Помню, я предложил: “Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина”. Маяковский добавил: “С парохода современности”. Кто-то: “Сбросить с парохода”. Маяковский: “Сбросить – это как будто они там были, нет, надо бросить с парохода...” Помню мою фразу: “Парфюмерный блуд Бальмонта”. Исправление В. Хлебникова: “Душистый блуд Бальмонта” не прошло. Еще мое: “Кто не забудет своей первой любви – не узнает последней”. Это вставлено в пику Тютчеву, который сказал о Пушкине: “Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет”. Строчки Хлебникова: “Стоим на глыбе слова Мы”. “С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество (Л. Андреева, Куприна, Кузмина и пр.)”. Хлебников, по выработке манифеста, заявил:

– Я не подпишу это... Надо вычеркнуть Кузмина – он нежный.

Сошлись на том, что Хлебников пока подпишет, а потом отправит письмо в редакцию о своем особом мнении. Такого письма мир, конечно, не увидел.

Закончив манифест, мы разошлись. Я побежал обедать и съел два бифштекса сразу, – так обессилел от совместной работы с великанами!»

Годы спустя, в начале 1920-х, в этом же здании (справочник «Вся Москва» дает адрес М. Бронная, 2, но дом тот же – пересечение М. Бронной и Тверского бульвара) больному бесприютному поэту окажет гостеприимство семья Куфтиных.

Борис Алексеевич Куфтин – ученый-этнограф, преподаватель Московского университета, его супруга – **Валентина Константиновна Стешенко-Куфтина**.

«Я отправился к Куфтиным на угол Бронной улицы. Там в одной из многочисленных отдельных ячеек-комнат жили Куфтины. Велимир сидел в кресле, и, видимо, припадок у него прошел. Молодая жена Куфтина, врач по образованию, но оставившая эту профессию, занималась музыкой и пением. Куфтин, тогда молодой профессор, приязненно относился к Велимиру», – вспоминал П. Митурич; «Часто бывали мы в начале Малой Бронной улицы на втором этаже, где встречали нас радушно муж с женой в небольшой комнатке, единственным украшением которой была висевшая на стене громадная икона, приписываемая школе Рублева» (Е. Спасский).

Борис Куфтин

В 1913 году Хлебникова можно было увидеть на квартире художницы **Н.С. Гончаровой**. Тихон Чурилин, бывавший в ее мастерской в Трехпрудном переулке, дом №2 (в настоящее время 2а), вспоминал: «В 1912 году дружил с художниками М. Ларионовым, Н. Гончаровой, когда у меня уже была половина стихов моей первой книги “Весна после смерти”. Ужасно было неловко, когда Ларионов в кафе знакомил меня с Якуловым Жоржем, и говорил: “Это великолепный поэт – Чурилин”. На вечерах, вечериночках, у Ларионова и Гончаровой впервые я встретился с Велимиром и с Кручёных. <...> В один вечер в марте, кажется, 1913 года собрались мы на вечериночку в Большой Палашовский. Давали чай крепкий, в разно-фарфоровых чашках, а также и в глиняных каких-то; Михаил Федорович (Ларионов) притащил живой сыр, лимбургский, который, говорят, шевелился, а уж пах он – всенародно, площадно. Был Павел Кузнецов, Шевченко, Татлин, С. Бобров, вдруг явился Эльснер – опять в новом хвосте, палевом с подпалинами! И стал распускать язык – тоже павлиньим хвостом. Бобров, этот злой и неглупый фокстерьер, стал вгрызаться в хвост – и от него полетели и перья и пух. Ларионов давил мою ногу – ножицей, тыкал мне больно под ребра кулаком – словом, жил и наслаждался! Вдруг из дверей вошли Хлебников и Кручёных. И стало все по-иному: **так – да не так, а вот как.**

Тихон Васильевич Чурилин

Хлебников привлекал внимание всех, кто его видел в первый раз – не странностями, которые ему приписывали всю его жизнь, а значительностью и красотой его тогдашнего вида. Он тогда был очень молод – начинал студенческие годы в Ленинграде <sic>. Замечательна была его голова – волосы, которые я и сейчас не могу обыденно определить: рыжевато-каштановые, темные, черные, не густо, не сине? Глаза – синие или серые? До сих пор не знаю верно. Лицо – очень красивое, свежее тогда, не румяное, но розово-желто-матовое. Сутол – а строен, средний рост – а высок, как радиомачта на крышах Пулков. Гончарова, Наталья Сергеевна, которая на мужчин и внимания не обращала, а проходящих эстетных женщин и совсем недолюбливала – глаз от Велимира не могла оторвать весь вечер. А он пришел, сел в угол и промолчал там на все разговоры и на все округ – все время».

Н. Гончарова была тесно связана с литературными кругами: она увлекалась поэзией, иллюстрировала поэтические сборники, или, как писала М. Цветаева, – являла книгу «вторично, но на своем языке». Среди книг, иллюстрированных Гончаровой, «Игра в аду» А. Кручёных и В. Хлебникова (изд. 1912); их же «Мирсконца» (изд. 1912); «Весна после смерти» Т. Чурилина (изд. 1915); «Прозрачные тени. Образы» Амари (изд. 1920), «Молодец» М. Цветаевой (сделав в 1929 году в Париже рисунки к этой поэме, Гончарова высказала сожаление, что французский читатель не поймет русского текста, – и тогда Цветаева перевела свою поэму на французский; получилось новое произведение, написанное «вокруг того же стержня», – «Le Gars» (1930); но издать его тогда не удалось, впервые оно было опубликовано в двух парижских изданиях 1991 и 1992 года, а с предназначавшимися для него рисунками Гончаровой вышло в Санкт-Петербурге в 2003 году).

Наталья Гончарова

Совместно с М. Ларионовым Н. Гончарова оформляла парижское издание поэм А. Блока «Двенадцать» и «Скифы» (изд. 1920 и 1925). Стихи Гончаровой вписываются в контекст поэзии Серебряного века – на них лежит печать эстетики футуристов («Бон-бах, бон бах, / Бон бах, тарарах» – звукоподражательный образ – процесс молотьбы), в стихах встречаются аллюзии на тексты поэтов XIX–XX века. А Б. Лившиц в книге «Полутороглазый стрелец» отмечал некую близость живописи Н. Гончаровой и творчества В. Хлебникова: «Подыскивая в области слова аналог Гончаровой, я всякий раз наталкивался на Велимира Хлебникова, и, думаю, сопоставление это имело известные основания: недаром, пренебрегая рознью, существовавшей между обеими группами, Наталия Сергеевна с такой любовью иллюстрировала “Игру в аду” и “Мирсконца”».

Один из первых высотных домов в Москве в Б. Гнездниковском переулке, построенный по проекту архитектора Э.Р.К. Нирнзее, связанный с **В. Маяковским, Д. Бурлюком, С. Есениным, М. Булгаковым**, помнит и приходы молчаливого и удивительного, как вспоминают о нем, Велимира Хлебникова.

В доме Нирнзее на квартире преподавателя литературы **В.В. Васильева**, которую Сергей Спасский называет «проходным двором, гостиницей, открытой всем», собирались разные молодые поэты, туда же случайно забрели и футуристы, сделав квартиру Василия Васильевича своим штабом. Здесь бывали **В. Шершеневич, Н. Асеев, В. Татлин**. «Устраивались внезапные доклады, стихи читались бессистемно, но горячо».

Дом Нирнзее

Квартиру в Б. Гнездниковском как место первой встречи с Хлебниковым указывают Надежда Павлович и Сергей Спасский: «Случилось так, что я с ним познакомился на одном литературном собрании. Дело было в Гнездниковском переулке, в огромном доме: с “Летучей мышью” в подвале. Хлебников сидел на подоконнике, согнувшись и разглядывая стену. Он недавно прибыл из Петрограда. Неизвестно, кто направил его сюда.

Во всяком случае хозяин его не знал. Хозяин объяснил мне растерянно:

– Вот пришел, назвался Хлебниковым. Сел в углу и молчит.

Люди сновали по комнате, не решаясь к нему прикоснуться. От него словно отделялась тишина, образуя запретную зону. Кое-кто говорил умышленно громко, стараясь привлечь внимание гостя. Хлебников не поднимал головы, напоминая птицу, случайно попавшую в помещение. Молодежь разглядывала его со стороны. Хлебникову сопутствовала узкая, но чрезвычайно выразительная слава. Чудак. Самый крайний из футуристов. “Освободитель русского стиха”. Написал “О, рассмейтесь, смехачи”. Слава, смешанная из ругани и восторга. И вот он свалился сюда, словно обломок отдаленной планеты» (С. Спасский); «Это был дом Нирнзее, где теперь, в этом доме, издательство “Советский писатель”, на десятом этаже. И у него регулярно собиралась литературная и художественная молодежь. И там бывал Хлебников. <...> Там, значит, я и познакомилась с Велимиром. Он был удивительный. Это совершенно глаза младенца и ясновидящего. Чистоты этот человек был несказанной. Совершенно. Он был юродивый. И действительно – с какими-то молниями гениальности» (Н. Павлович).

После революции осенью 1917 года стараниями **Василия Каменского** было открыто **Кафе футуристов** на углу Тверской и Настасьинского переулка.

Сергей Спасский

Открылось оно в помещении бывшей прачечной (старый номер дома 1/52). Работавший там некоторое время поэт **Сергей Дмитриевич Спасский** вспоминал о появлении в кафе Хлебникова. «Вдруг в кафе обнаружился Хлебников. Он откуда-то ехал. Революция освободила его от солдатчины и дала ему возможность перемещаться. Мне рассказали, что еще летом семнадцатого года он мелькнул в Москве. <...> Он сидел в кафе в черной сатиновой куртке с высоким твердым воротничком. На воротничке лежала крупная его голова. Взбившиеся волосы. Внимательные и вместе с тем рассеянные, излучающие глубокое сияние глаза. Бурлюк сразу же поволок его выступить. Хлебников покорно вышел. загнанный в угол электрическими лучами. Он что-то бормотал про себя. Публика, оглянувшаяся на него, когда Бурлюк назвал его Председателем Земного шара, сразу же потеряла к нему интерес. Гремела посуда, перекачивались разговоры. Хлебников стоял, заложив руки за спину. Совсем замолк и задумался. Наконец, его увели. В кафе он больше не появлялся».

Однако, как продолжает в воспоминаниях Сергей Спасский, Хлебников тогда «задержался» в Москве. Завсегдатаи кафе – врач **Александр Петрович Давыдов** и его супруга **Лидия Владимировна** приютили у себя поэта. Супружеская чета жила в доходном доме князя Горчакова по адресу Страстной бульвар, дом 4. Здесь Хлебникову предоставили отдельную комнату и полный пансион. В вечных скитаниях поэта это была одна из попыток наладить его быт. У него появился письменный стол и начала складываться библиотека. «Вообще Хлебников приручался. Его приучали заботиться о себе. Например, по утрам причесываться. С этим Хлебников не справлялся. Ему вменили в обязанность являться за помощью к хозяйке. Хлебников вверял голову гребню, расплачиваясь послушанием за гостеприимство. В сущности, он ладил с хозяевами, вечерами посиживал в их гостиной».

Страстной б-р, д. 4

Иногда в гостиной для хозяев и гостей Хлебников читал стихи:

<...>

У колодца расколется
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться,
Чтоб, ценой работы добыты,
Зеленее стали чёботы,
Черноглазья, ея.
Шопот, ропот, неги стон,
Краска темная стыда.
Окна, избы с трех сторон,
Воют сытые стада.

Кроме кафе футуристов, после революции Хлебников часто бывал в **кафе Союза поэтов**, которое посетители порой называли прежним именем «Домино» (Тверская, 18). О встрече здесь с поэтом вспоминал, среди прочих, **Эмилий Миндлин** в своей книге «Необыкновенные собеседники»:

«Но вот однажды в кафе “Домино” появилась фигура очень уж необычного незнакомца. <...>

Широкое, длиннополое, почти до земли, пальто делало его похожим на священника, прошагавшего по пыльной дороге бог весть сколько десятков верст. Да и весь этот новоявленный дервиш производил впечатление вывалянного в пыли. Не только его шапочка на голове, но и борода была пыльного цвета. Пылью были припудрены брови, из-под которых глядели необычайного блеска и остроты глаза. Слишком много диковинного вида людей бывало в кафе “Домино”, но дервиш своей диковинностью превзошел их всех». «Дервиш» представился поэтом и за ужин, не имея денег, предлагал почитать стихи. В удостоверении личности, предъявленном Хлебниковым в кафе, значилось: «Гражданин РСФСР Велимир Хлебников, не имеющий постоянного местожительства, как душевнобольной, не отвечает за свои поступки, что подписями и приложением печати удостоверяется».

Эмилий Миндлин. 1919

Дом-музей Марины Цветаевой

Эмилий Миндлин, общавшийся в 20-е годы с Цветаевой, рассказал ей о «явлении» Хлебникова в кафе:

«Она не улыбнулась, услышав о бумажке, “освобождающей от ответственности за поступки”».

– **Поступки поэта – его стихи.** – Она помолчала, затаилась, закинула голову и выдохнула. – Хлебников отстраняется этой бумажкой от быта. Это как “не трогайте моих чертежей”. Это его “не мешайте мне”. Его не понимают – поймут.

Три года спустя на чужбине она вспомнила Хлебникова в “Поэме конца”:

. ШКОЛЫ

Хлебникова соловьиный стон».

О Москве периода нэпа Хлебников будет говорить совершенно иначе, чем в свои первые приезды в город.

Осенью 1921 года в стихотворении «Волга! Волга!» поэт называет Москву **«островом сытых веков / В волнах голода, в море голода»**.

Марина Цветаева

Дом-музей Марины Цветаевой

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях – рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,

Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговли.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устрugi.
Кто со мною – в полет?
А со мной – мои друзья!

«Я в Москве. В Москве дороговизна. И поворот в прошлое + будущее, деленное пополам. Черный хлеб – 11 тысяч. Давно не было чисто славянского разгула, как эти святки. Москва стоит твердо на ногах и нет оголения, гибели и одичания, как в других городах. Делая деньги для всей России, Москва не забывает себя и на праздниках тонула в кутежах и пирушках.

Пока я одет и сыт. Ехал в Москву в одной рубашке: юг меня раздел до последней нитки, а москвичи одели в шубу и серую пару. Хожу с Арбата на Мясницкую, как журавель. Ехал в теплом больничном поезде месяц целый» (14 января 1922 года; из письма родным в Астрахань); «Я по-прежнему в Москве готовлю книгу... Москву не узнать, она точно переболела тяжелой болезнью, теперь в ней нет ни замоскворечья, ни чаев и самоваров и рыхлости и сдобности прежних времен! Она точно переболела мировой лихорадкой, и люди по торопливой походке, шагам, лицам напоминают города Нового света. Мне живется так себе, но в общем я сыт-обут, хотя нигде не служу. Моя книга – мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается. Я живу вместе с художником Спасским в одной комнате. Мясницкая, 21, квартира 39. **Главное занятие Москвы – это печатание денег и набивание ими собственных карманов**» (апрель 1922 года; письмо родным в Астрахань).

Художник, о котором говорит Хлебников, – **Евгений Дмитриевич Спасский**, впервые увидевший футуристов – Бурлюка, Каменского и Маяковского – в Тифлисе весной 1914 года.

Впечатление у очень молодого человека от этой встречи осталось незабываемое: «как бомба, влетевшая в окно, так появление на центральной улице троих, ярко и оригинально одетых, медленно прогуливающих по городу». Адрес, который упоминает в письме поэт, – дом, построенный в конце XVIII века по заказу И.И. Юшкова, где располагалось Училище живописи, ваяния и зодчества, а в 1918 году был организован ВХУТЕМАС.

Дом Юшкова

С Хлебниковым же, по словам Спасского, он познакомился в 1917 году в Москве, снова встретился здесь же – в начале 20-х: «И вот передо мной стоял похожий на Достоевского, с громадной бородой, но с теми же кроткими и небесно-ясными глазами Велимир. Кто близко знал Хлебникова, не мог не запомнить на всю жизнь его глаз, всегда глядящих в бесконечную даль, живущих не здесь, не этим миром, а где-то там, в необозримых космических пространствах. Иногда он словно пробуждался и смотрел на тебя, всегда мягким, ласковым и полным любви взглядом. Глядя в эти чистые лазурные глаза и тебе становилось светло, легко и весело, по-детски все просто и ясно, все трудности и неприятности житейские покидали тебя. Да, забыть эти глаза невозможно, они всегда стоят перед тобой. Итак, встретились мы на каком-то вечере во Вхутемасе. Он очень обрадовался, лицо засветилось ласковой улыбкой. Коротко рассказал о себе, о своих путешествиях, о жизни и событиях за эти годы. Прощаясь, сказал, что очень хочет повидаться со мной и поговорить, но не здесь, в шумно расходящейся толпе. Неловко и смущенно сунул мне на прощание руку и пошел, чуть сутулый, большой, осторожный, своей мягкой походкой, словно боясь кого-нибудь толкнуть или обидеть. Он не ходил, а скорее скользил по земле, слегка ее касаясь, весь внимательный, всегда прислушивающийся к чему-то, неся свой внутренний мир.

И тут же на вечере, я не помню кто, но кто-то из молодых поэтов, видя, что я разговаривал с Хлебниковым, подошел ко мне и сказал, что трудно сейчас бедному Велимиру: живет неустроенный, ночует в коридоре студенческого общежития Вхутемаса на Мясницкой улице, в доме, в котором жил и я. У меня тотчас появилась мысль предложить ему переехать ко мне, тем более что я жил один и он, поскольку я знал его, деликатнейший человек, мне не мог бы помешать работать. Сам же я как всегда много работал в поисках новых форм выражения, одновременно совершенствуя технику. Материально жил я, работая в Союзе поэтов, оформляя новые книги, поэзовечера в кафе, плакаты и зарплата моя была: обед в кафе “Домино”, где и помещался Союз поэтов, на Тверской улице. Встретившись с Хлебниковым через несколько дней, я и предложил ему переехать ко мне. Он очень охотно и с большой радостью принял мое предложение и с поспешностью в тот же вечер перебрался в мою квартиру. У меня была комната с большим итальянским окном. Мебель не очень изысканная, но было все, что необходимо, и ничего лишнего: столик, две табуретки, мольберт и соседское кресло, удобное для размышлений и отдыха, старенький диван, на котором спал я, и напротив поставили железную кровать с матрацем для Велимира. Единственное богатство мое составлял небольшой кавказский ковер, полученный мною в наследство, которым я и закрывал матрац на кровати, так как одеяла лишнего у меня не было, не было его и у Велимира. Так началась совместная наша трудовая жизнь. Главное, что обоим было и хорошо и спокойно».

«Дом Ростовых» на Поварской улице

Старый особняк на Поварской после революции «видел» практически всю русскую литературу. Здесь бывали **Есенин и Маяковский, Пастернак, Андрей Белый, Марина Цветаева, Николай Гумилев и Михаил Кузмин, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок, Вячеслав Иванов.**

О пребывании здесь Хлебникова вспоминала режиссер **Эсфирь Шуб** в своей книге

«Крупным планом»: «Он был молод и безмолвен. Разговаривал он – и то тихо – с одним Рукавишниковым. Я знала от Ивана Сергеевича, что под одеждой Хлебников носит вериги. Как говорили, он не мылся и не причесывал выросших без стрижки пепельных волос. Глаза его тоже были застывшим пеплом. Он мог часами сидеть в венецианской комнате, у двери, открытой на балкон, не произнося ни слова. Мне и хотелось, чтобы он заговорил со мной, но одновременно я боялась этого. Мне казалось, что я не найду слов, чтобы ответить ему. Иногда он выходил на балкон и наблюдал веселую молодежь, толпившуюся там. Спал он, не раздеваясь, в венецианской комнате на больших подушках, крытых старинной парчой.

Затем он исчез. Рукавишников скучал без него, ждал его возвращения. Но я больше его не видела во Дворце Искусств».

В 1922 году чета **Мандельштам** на улице Москвы встретила бесприютного Хлебникова, который пожаловался, что **«в Москве он неприкаянный и есть ему нечего»**. После этого, как пишет в воспоминаниях Надежда Мандельштам, пригласили его к себе на квартиру во флигеле дома Герцена, и он стал приходить на обед каждый день.

«Мандельштам ухаживал за ним гораздо лучше, чем за женщинами, с которыми вообще бывал шутливо грубоват. Я, способная нахамить каждому по моде того времени и по глупости, с Хлебниковым своих свойств проявлять не смела, потому что боялась <...> Мандельштама <...> – за это мне бы здорово попало. Хлебников обедал, отдыхал полчаса и уходил, чтобы вернуться на следующий день, о чем мы трое – старушка, Мандельштам и я – никогда не забывали ему напомнить. К нашему удивлению, он был пунктуален и ни разу не опоздал». Мемуаристка отмечает особенное отношение Мандельштама к Хлебникову как к «божьему человеку»: **«Такого бережного внимания, как Хлебникову, Мандельштам не оказывал никому. Что же касается до стихов, то у Хлебникова он ценил кусочки, а не цельные вещи»**.

В последние годы жизни Хлебников общался с семьей **Исаковых** – с бухгалтером Петром Константиновичем и его супругой Анной Осиповной. Они жили в районе Арбата. Их сын Сергей, узнавший о Хлебникове из рассказов Петра Митурича, замечательно сердечно отнесся к поэту: «Сережа проникся к нему должным уважением и, как достойный мой ученик, готов был принять поэта со всем радушием, какое ему свойственно было». У Исаковых Хлебников праздновал, видимо, свою последнюю Пасху: «Настало пасхальное время. У Исаковых оживление. Достали творог, и сооружается творожная пасха. Я сделал для нее форму четырехгранной пирамиды, на каждой стороне которой вытеснены эмблемы вер: христианский – крест, буддийский – след Будды, магометанский – серп месяца и будетлянский – ветви двоек и троек. Было вино – всем по маленькой рюмочке – и пирог. Стараниями Анны Осиповны Велимир сидит в чистом белье, по обыкновению с поднятым воротником пиджака. За столом острит Петр Константинович, идет мирная праздничная, при солнечном дне за большим столом со скатертью еда. Потом закурили, пили чай. Хороший был день в это ненастное время. Ах, если бы побольше таких деньков было в то время, и все было бы иначе».

Ещё раз, ещё раз,

Я для вас

Звезда.

Горе моряку, взявшему

Неверный угол своей ладьи

И звезды:

Он разобьётся о камни,

О подводные мели.

Горе и вам, взявшим

Неверный угол сердца ко мне:

Вы разобьётесь о камни,

И камни будут надсмехаться

Над вами,

Как вы надсмехались

Надо мной.

Май 1922

В проекте использованы предметы из фондов Дома-музея Марины Цветаевой, а также изображения из открытых источников.

Текст Мария Степанова

Редактор Любовь Викулина

Подбор материалов Ксения Логущкина

Верстка Александра Миндрина

Москва, 2022